

Функции рефлексивного местоимения в эвенкийском языке

Е. Л. Клячко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия), Институт языкознания РАН (Москва, Россия);
elenaklyachko@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются формы, образуемые в эвенкийском языке от основы так называемого рефлексивного местоимения. Используются данные корпуса текстов — как современных, так и записанных в середине прошлого века, — а также материалы элицитации. Показано, что и формы с рефлексивными притяжательными показателями, и формы с личными притяжательными показателями могут выполнять эмфатические и анафорические функции. В связи с этим предложена отличная от традиционной интерпретация этих форм как эмфатических, переключающих фокус на более (в случае рефлексивных притяжательных показателей) или менее (в случае личных показателей) выделенных участников ситуации.

Ключевые слова: эвенкийский язык, рефлексивы, эмфатические местоимения.

Functions of reflexive pronouns in Evenki dialects

E. L. Klyachko

HSE University, Institute of Linguistics (Moscow, Russia), Russian Academy
of Sciences (Moscow, Russia); elenaklyachko@gmail.com

Abstract. The paper focuses on the various forms derived from the stem of the so-called Evenki reflexive pronoun *mэ:n-*. Given that the Evenki language is spread over a vast territory, with Standard Evenki playing a very restricted role, it is crucial to take into consideration data from multiple dialects. With this in mind, the paper is based on data from corpora of oral texts (both modern and those recorded in the mid-20th century), while also using elicitation data. The three forms considered in the paper

are the “plain” (affixless) *mə:n*, *mə:n* with personal possessive suffixes, and *mə:n* with reflexive possessive suffixes. The first is quite rare and mostly occurs in Eastern Evenki dialects where it marks the possessor in possessive constructions or is sometimes used anaphorically or emphatically. As regards the other two forms, the traditional interpretation strictly classifies them as reflexive versus emphatic. Our data, however, shows that forms with both the personal possessive marker and the reflexive possessive marker can fulfill emphatic and anaphoric functions. The emphatic functions can be compared to those of similar “emphatic” pronouns in Russian or Tsakhur. Moreover, the reflexive function is actually not syntactically pure, since there are “broad” antecedent cases (with the antecedent including both the subject and family), or cases of reciprocal interpretation. Our conclusion is that these forms should be interpreted as emphatic and switching the focus to the more (the reflexive possessive markers) or less (the personal possessive markers) prominent participants. The paper also discusses the structure of main and dependent clauses in Evenki, with the head of the latter usually being a non-finite verb such as a converb, and the way the clause and its head influence the choice between the reflexive possessive or the personal possessive form. The paper suggests that particular converbs differ in switching the focus to the more or less prominent participants and thus determining which pronoun form will be used. However, given the great number of non-finite forms in Evenki, the paper touches upon this issue only briefly and leaves these problems for future work.

Keywords: Evenki language, reflexives, emphatic pronouns.

1. Введение

Исследования по рефлексивным местоимениям в тунгусо-маньчжурских языках, к которым принадлежит эвенкийский, немногочисленны [Matić 2008, 2020; Стойнова 2018], а собственно эвенкийский представлен лишь общими грамматическими описаниями. Как известно из них, в эвенкийском языке от основы рефлексивного местоимения могут образовываться различные формы, содержащие притяжательные показатели: личные либо возвратные. Традиционно последние классифицируются как собственно рефлексивные, в то время как первые считаются эмфатическими [Константинова

1964: 128, 129; Nedjalkov 1997: 109; 203]. В настоящей работе на основе проведенных экспериментов и анализа корпуса текстов предлагается иная интерпретация всех указанных форм. Вместо противопоставления рефлексивных местоимений эмфатическим я предлагаю считать все указанные формы эмфатическими, переключающими фокус на более или менее выделенного участника ситуации. Аргументы в пользу этой точки зрения будут приведены в настоящей работе.

1.1. Эвенкийский язык

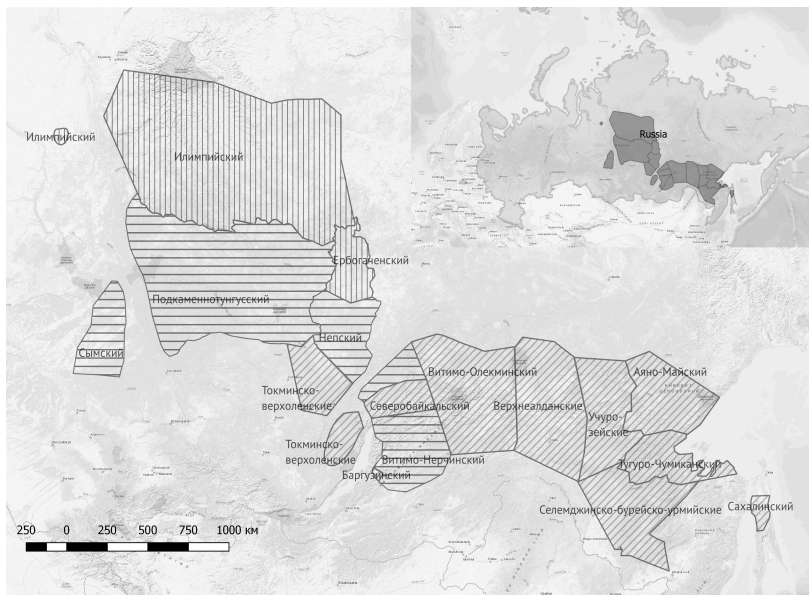
Вплоть до недавнего времени эвенкийский язык был распространен на огромных территориях в России, Китае и Монголии, однако в наши дни он находится под угрозой исчезновения и ареал его распространения сужается. По данным на 2020 г., число носителей эвенкийского языка в России составляло менее 5000 человек [ВПН 2010]. В Китае, по разным оценкам, от 4000 [Tsumagari 1992: 83; Whaley 1998; Whaley, Li 2000: 108–110] до 11 000 носителей эвенкийского языка [Ethnologue 2020]. Такой разброс объясняется разным подходом к классификации языков и диалектов: традиционная китайская классификация включает в число диалектов эвенкийского языка солонский, но не включает ороchonский [Tsumagari 1992: 83]. В современной Монголии эвенкийский язык (хамниганский диалект), по видимому, мертв [Цендина и др. 2021].

На основании фонетических признаков эвенкийские диалекты разделяют на три группы: северное, южное и восточное наречие [Василевич 1948]. На карте ниже (*Рис. 1*, с. 190) представлены эвенкийские диалекты на территории России.

Литературный стандарт эвенкийского языка основан на говорах южного наречия, однако в связи с ограниченностью школьного образования на этом языке, почти полным отсутствием СМИ на нем и в целом непредставленностью в официальной сфере он не получил распространения среди носителей двух других наречий. В настоящей работе рассматриваются только данные эвенкийских диалектов России, поскольку материалы по ним более доступны.

Рис. 1. Карта диалектов эвенкийского языка
(рис. Н. А. Мамонтовой по [Василевич 1948])

Fig. 1. Map of Evenki dialects (N. Mamontova after [Vasilevich 1948])

Группы диалектов
 ▨ Восточное наречие
 ▤ Северное наречие
 ▩ Южное наречие

1.2. Данные и методы

Источниками для настоящего исследования служили корпуса текстов, авторские материалы, полученные элициацией, а также данные грамматических описаний [Константинова 1964; Nedjalkov 1997]. Основной источник — мультимедийный корпус устных текстов Siberian-Lang [Siberian-Lang], записанных в 2006–2016 гг. в Томской обл., Красноярском крае и Иркутской обл., в расшифровке и разметке которых принимала участие и автор настоящей статьи. В основном

в корпусе представлены тексты на говорах северного наречия. Объем корпуса — около 33 000 словоупотреблений. Кроме того, использовался корпус текстов ИЭА РАН [Corpora IEA], содержащий как литературные (газеты, переводы религиозных текстов; 121 286 словоупотреблений), так и устные тексты (как и в корпусе Siberian-Lang, в основном на говорах северного наречия; 12 598 словоупотреблений). Наконец, анализировались архивные тексты: неопубликованные тексты из архива Г. М. Василевич (записи 1930-х гг.: северное, южное и восточное наречия) [Архив Василевич], материалы Е. П. Лебедевой (записи 1950-х гг., северное и южное наречия) [Лебедева 1952] и опубликованные материалы Г. М. Василевич [Василевич 1966] — в основном это тексты на восточном наречии, но представлены и два других наречия. Все примеры приведены в графике источника, указаны год и место записи, а также диалект рассказчика (если известно) и наречие (северное / южное / восточное). Глоссирование всюду мое.

Эксперименты по элицитации проводились в 2014 г. в Красноярском крае (олимпийский диалект северного наречия) и в 2016 г. в Иркутской обл. (ербогаченский диалект северного наречия). Было опрошено четыре человека. Им предлагалось перевести предложения, содержащие рефлексивное местоимение, с русского языка на эвенкийский. Далее их спрашивали, можно ли заменить употребленное ими местоимение на другое. Недостатком такого способа опроса является возможное влияние русского стимула, однако в полученных примерах есть конструкции, буквальный перевод которых на русский невозможен, т. е. мы не можем говорить о полном калькировании.

1.3. Исследование рефлексивных местоимений в тунгусо-маньчжурских языках

Как уже говорилось выше, на материале тунгусо-маньчжурских языков рефлексивные местоимения исследовались в нанайском [Стойнова 2018] и эвенском [Matić 2008, 2020; Бузанов, настоящий сборник]. Н. М. Стойнова рассматривает, как исходная система нанайского языка с контролем рефлексива через границу клаузы

меняется новой — с преимущественным контролем внутри клаузы, по-видимому, под влиянием русского языка. Д. Матич в своем докладе [Matić 2008] показывает, что в эвенском языке рефлексивный притяжательный показатель может согласовываться «по смыслу» с антецедентом, выводимым из контекста. В [Matić 2020] Д. Матич рассматривает формы рефлексивных местоимений в эвенском языке с точки зрения диалектологии.

1.4. Базовые сведения из эвенкийской грамматики

1.4.1. Формы рефлексивного местоимения

Основа рефлексивного местоимения в эвенкийском, как и в других тунгусо-маньчжурских языках [ТМС 1975: 568], — /*mə:n*/.¹ Для *mə:n* предлагается общеалтайская этимология как корня со значением ‘тело’ [EDAL 2003: 912]. *mə:n* ведет себя как обычная именная основа, присоединяя словообразовательные, падежные, числовые и притяжательные показатели. Структура именной словоформы представлена в *Таблице 1* ниже.

Таблица 1. Структура именной словоформы в эвенкийском языке [Bulatova, Grenoble 1999: 15]

Table 1. The structure of a nominal word form in Evenki [Bulatova, Grenoble 1999: 15]

1	2	3	4	5	6
основа	слово-образоват. аффиксы	отчужд. обладание ²	число	падеж	обладание

¹ Гласный среднего ряда *ə* в различных диалектах эвенкийского языка может реализоваться также как звук, близкий к *o*, или звук, близкий к *a*. Далее в работе *mə:n* будет записываться курсивом, без скобок.

² Если в словоформе заполнен слот 3, в ней также должен быть заполнен слот 6.

Показатель обладания может быть как личным (1), так и рефлексивным (2):

- (1) *tuliski: ju:-w-rə-n=do: hutə-l-wo-n*
 на.улицу выйти-TR-NFUT-3SG=FOC **ребенок-PL-ACC-PS3SG**
 ‘Он_i (Чарчикан) на улицу вывел **его_j** (чудовища) детей’. (ВХЁ)
- (2) *hutə-l-du:-ji gun-ə-n*
ребенок-PL-DATLOC-RFL.SG сказать-NFUT-3SG
 ‘Он_i сказал **своим_i** детям’. (ВХЁ)

Показатели обладания (вариант зависит от конечного звука основы) приведены в *Таблице 2* ниже:

Таблица 2. Показатели обладания ([Константинова 1964: 62], добавлены также диалектные варианты)

Table 2. Possession markers ([Константинова 1964: 62], enriched with dialectal variants)

лицо обладателя	число обладателя	показатель
1	ед.	<i>-w, -m, -wi, -mi</i>
2	ед.	<i>-s, -ni-, -li, -ri</i>
3	ед.	<i>-n</i>
1	мн. (инклюзивное)	<i>-t, -p, -ti, -pi</i>
	мн. (эксклюзивное)	<i>-wun, -mun, -bun, -pun</i>
2	мн.	<i>-sun, -nun, -lun, -run</i>
3	мн.	<i>-tin</i>
(возвратный)	ед.	<i>-wi:, -pi:, -ki:, -ji:, -bi:, -mi:</i>
(возвратный)	мн.	<i>-wVr³, -mVr, -bVr, -pVr, -bVr, -kVr</i>

Рефлексивные притяжательные показатели имен (две последних строки *Таблицы 2*), по мнению Й. Бенцинга, происходят от основы рефлексивного местоимения *tə:n* ([Benzing 1956: 110, 111]; при этом происхождение самой основы *tə:n* от ‘тело’ им оспаривается).

³ Символом *V* здесь и далее обозначен гармонирующий гласный.

1.4.2. Способы оформления предиката в основной и зависимой клаузах

В основной клаузе в эвенкийском языке используется личная форма глагола, реже причастная; в подчиненной — причастная или деепричастная. Причастия могут использоваться в субстантивной, атрибутивной или предикативной функциях [Bulatova, Grenoble 1999: 40], являясь вершинами клауз. В частности, в [Nedjalkov 1997: 1, 2; 24, 25] субстантивные причастия рассматриваются как вершины подчиненных клауз. В (3)–(5) причастные формы употребляются в основных клаузах. Формы из основной клаузы: *təɣə-wko:-śo* (сесть-CAUS-PANT) ‘посадил’, *hawal-mu:-d'a-wki:-l* (работать-DES-PHAB-PL) ‘хотят работать’, *do:lča:t-ča-sa* (слушать-IPFV-PANT) ‘слушала’, употребленные предикативно, согласуются с субъектами по числу. Формы из зависимых клауз: *iśə-w-ri:-du:-n* (видеть-PASS-PSIM-DATLOC-PS3SG) ‘там, где был виден’, *əda.n-d'ə-ri:-wa-tin* (шалить-IPFV-PSIM-ACC-PS3PL) ‘то, как они шалят’, употребленные субстантивно, также согласуются с субъектами по числу и содержат показатели обладания.

- (3) *tadu: hoj-du: təɣə-wko:-śo d'u-n*
там тундра-DATLOC сесть-CAUS-PANT дом.чум-PS3SG
iśə-w-ri:-du:-n
видеть-PASS-PSIM-DATLOC-PS3SG
‘Там на тундре посадил их, где был виден его чум’. (BXĚ)
- (4) *na:lə-li-n luhu hawal-mu:-d'a-wki:-l*
рука-PL-PS3SG всё.время работать-DES-PHAB-PL
‘Его руки его всё время хотят работать’. (BXĚ)
- (5) *tar toɣo-l-d'i-wər əda.n-d'ə-ri:-wa-tin*
ТОТ ОГОНЬ-PL-INSTR-RFL.PL шалить-IPFV-PSIM-ACC-PS3PL
do:lča:t-ča-sa tar atirka:n
слушать-IPFV-PANT ТОТ старуха
‘Та старуха слушала, как они шалят со своими огнями’. (BXĚ)

Деепричастия делятся на односубъектные (всегда имеют тот же субъект, что и форма в основной клаузе, например (6))

и разносубъектные (субъект может отличаться, но необязательно, ср. (7) и (8), где используется одно и то же деепричастие цели). Если субъект разносубъектного деепричастия совпадает с субъектом главной клаузы, деепричастие получает возвратный притяжательный показатель, как в (8); при несовпадении же субъектов деепричастие присоединяет личный притяжательный показатель (7). Субъект деепричастия может быть выражен явно, но чаще опускается.

- (6) *suru-d'ə-nə gun-ə-n*
пойти-IPFV-CV SIM сказать-NFUT-3SG
'уходя, сказал' (ВИА)
- (7) *oron-mo=do: bu:-rə-∅ huru-p-do:-tin oron-du:*
олень-ACC=FOC дать-NFUT-3PL пойти-TR-CVPURP-PS3PL олень-DATLOC
'Оленя дали, чтобы те повезли на олене'. (СПМ)
- (8) *to:li: nuʃan-ma-n huru-p-do:-wəʃ ʃəkə-d'ə-so:-tin*
тогда 3SG-ACC-PS3SG пойти-TR-CVPURP-RFL.PL собраться-IPFV-PST-3PL
'Тогда его отвезти хотели'. (СПМ)

Под влиянием русского языка в эвенкийском появляются союзные слова (как заимствованные, так и образованные из эвенкийских вопросительных слов 'когда', 'где' и т. п.), а также калькируется русская структура подчиненной клаузы с финитными глаголами в обеих ее частях. Союзы, появившиеся не под влиянием русского языка, очень малочисленны, генетически связаны с наречиями либо имеют деепричастное происхождение [Константинова 1964: 249].

2. Местоимения с основой *тə:n*- в эвенкийском языке

2.1. Формы местоимения

В данном разделе речь пойдет о рефлексивных местоимениях как самостоятельных словоформам (в противовес притяжательным показателям обладания). От основы *тə:n* образованы следующие формы местоимений.

1. *тэ:n* без притяжательных суффиксов. В [Василевич 1948: 266] отмечается употребление *тэ:n* в учурско-зейских говорах «как единственный случай», в эмфатическом значении (9):

- (9) *мэн Лубэ авгарā-эү?*
 RFL Люба здоровый-INTERROG
 ‘Сама Люба здорова?’ (пример Г. М. Василевич)

Кроме того, Г. М. Василевич отмечает употребление самостоятельного *тэ:n* в кур-урмийских говорах в эмфатическом значении, а также для выражения обладателя в притяжательных конструкциях [Василевич 1948: 285]. Таким образом, согласно Василевич, самостоятельное *тэ:n* характерно только для некоторых дальневосточных говоров. В корпусе [Siberian-Lang 2020] оно не встречается, а в [Corpora IEA] содержится один пример из литературного текста (газеты) и четыре примера из фольклорных текстов на восточных говорах. Столь же немногочисленны примеры употребления самостоятельного *тэ:n* в [Василевич 1966]: в посессивных конструкциях (10)–(11) и в качестве анафорического местоимения (12):

- (10) *Би мэн гэрбй-ви н’ән углүчэн-д’иүэ-в*
 1SG RFL имя-ACC.RFL.SG⁴ опять рассказать-FUT-1SG
 ‘И о своем имени тоже расскажу’. (ГЭ [Василевич 1966: 47; 205]).
- (11) *Мэн сā-рй-вар нэнэ-рэ-Ø*
 RFL знать-PSIM-ACC.RFL.PL идти-NFUT-3PL
 ‘Каждый летел своим путем’ (дословно: ‘Шли своими знаками’). (ГЭ [Василевич 1966: 44; 201])
- (12) *Мэн думай-дā-т-тэ-н, дулин дуннэ-вэ*
 RFL думать-IPFV-DUR-NFUT-3SG середина земля-ACC
гирку-дā-ви, дулин дуннэ-вэ н’экэ-йэ-дэ-ви
 бродить-CVPURP-RFL.SG середина земля-ACC ходить-IPFV-CVPURP-RFL.SG
 ‘Стал он раздумывать, как по средней земле побродить, в путь пуститься по средней земле’. (НА [Василевич 1966: 66, 222])

⁴ Формы с рефлексивными показателями без падежного показателя интерпретируются как аккузативные.

В [Василевич 1966: 181] встречается не совсем понятная форма *мэнэ* (13): если это не единичная оговорка или опечатка (либо некорректный перевод, поскольку существует также наречие *мэнэ* ‘едва’), то это может быть сочетанием *тэ:n* с частицей *=пэ*

- (13) *Длгача-ткй мэнэ гилбэнэ-кэм-чэ-н*
 солнце-ALL RFL? блестять-INTS-PST-3SG
 ‘... и сама она блеснула на солнце’. (ГЭ, [Василевич 1966: 22; 181])

Судя по приведенным примерам, *тэ:n* не изменяется по числам (см. (9)); контексты не позволяют судить о возможности его употребления как анафорического в косвенном падеже.

2. *тэ:пэкэн*, т. е. *тэ:n* без притяжательных суффиксов с уменьшительным / ограничительным суффиксом *-кэ:n*. В [Константинова 1964: 129] это местоимение определяется как эмфатическое, специфицированное только в отношении числа, несклоняемое. В [Василевич 1948] эта форма фиксируется не для всех говоров. В корпусах эта форма достаточно редка: встречается в литературных текстах, единично — в тексте восточного наречия и в тексте южного наречия (14). Единственный найденный пример из [Василевич 1966] — из южного наречия.

- (14) *Мэнэкэ-р э-нки-л ичэ удя-ра*
 RFL-PL NEG-PST.ITER-PL видеть.SLIP идти.по.следу-IPFV-PNEG
 ‘Сами не шли по следу’. ([Corpora IEA], Р. Д. Лихоманова, 2010, Тутончаны (Иркутская обл.), «Он умнэ булэсэл урилэндула эмэрэ», южное наречие⁵)

3. *тэ:n+RFL*, т. е. *тэ:n* с рефлексивным притяжательным показателем: *тэ:n-mi* (RFL-RFL.SG) и образованная от него форма множественного числа: *тэ:-r-wэр* (RFL-PL-RFL.PL). В грамматиках это

⁵ Комментарий из корпуса: «Р. Д. Лихоманова родилась в Иркутской области. Ее родной диалект относится к южной группе диалектов («шекающий»). Затем она переехала в Тутончаны и переняла илимпийский диалект северного наречия. Долгие годы Р. Д. Лихоманова преподавала литературный эвенкийский язык (южное наречие). Смешение трех наречий отразилось в данном тексте».

местоимение считается рефлексивным [Константинова 1964: 128; Nedjalkov 1997: 109], в отличие от других форм, образованных от той же основы. Обе формы (ед. и мн. ч.) могут присоединять падежные показатели: *мэн-дў-ви* (RFL-DATLOC-RFL.SG) ‘себе самому’, *мэ-р-дў-вэр* (RFL-PL-DATLOC-RFL.PL) ‘себе самим’ ([Константинова 1964: 128], перевод форм мой).

4. *тэ:n*+POSS, т. е. *тэ:n* с лично-притяжательным показателем, например *тэ:ni-n* (RFL-PS3SG). В [Константинова 1964: 129] определяется как эмфатическое. Как и *тэ:n*+RFL, изменяется по числам и падежам: *мэн-дў-н* (RFL-DATLOC-PS3SG) ‘ему самому’, *мэ-р-дў-тын* (RFL-PL-DATLOC-PS3PL) ‘им самим’ [Константинова 1964: 129].

Кроме того, от *тэ:n* может быть образовано рефлексивное притяжательное местоимение *тэ:n-ји:* (RFL-PROPR) ‘свой’ (15).

- (15) *ənin-du: тон-ји:-n ətəgəni-n*
 мать-DATLOC RFL-PROPR-PS3SG седло-PS3SG
 ‘У матери свое седло’. (ИКУ)

По самостоятельному *тэ:n* и *тэ:nəkən* данных и в корпусах и в грамматиках мало. Кроме того, они сосредоточены в основном в некоторых восточных говорах, поэтому данные по ним сложно было получить при помощи элицитации. Поэтому далее речь пойдет о *тэ:n*+RFL и *тэ:n*+POSS. В предложении *тэ:n*+RFL и *тэ:n*+POSS выполняют ту же роль, что и обычные имена, выступая в функции зависимых при глаголах и, реже, других существительных, как в (16):

- (16) *Ėкун-дук=та гудей мурин или-т-ча-ра-н*
 что-AVL-FOC красивый конь встать-DUR-IPFV-NFUT-3SG
арай МЭН-ДУК-КЕ ЭМЭГЭ-ЛКЭН МЭН-ДУК-КЕ
 вдруг RFL-ABL-RFL.SG седло-СОМП RFL-ABL-RFL.SG
дэктылэ-лкэн мурин арай
 крыло-СОМП конь вдруг

‘Смотрит — стоит красавец-конь с естественным седлом и крыльями (букв.: с седлом из себя)’. (Дословно: ‘Откуда-то красивый конь вдруг стоит. С седлом из себя, с крылом из себя конь вдруг’). (СС [Василевич 1966: 28; 186])

Грамматики четко противопоставляют эти местоимения друг другу как эмфатическое и рефлексивное, однако анализ их функций показывает, что фактически они перекрывают друг друга.

2.2. *mə:n*+POSS и *mə:n*+RFL как эмфатические

В эмфатических контекстах *mə:n*+POSS может иметь следующие значения, которые присутствуют и у русской лексемы *сам* [Кибрик, Богданова 1995] или у цахурской лексемы *миž* [Лютикова 1997]:

1. «Самостоятельность» действия: X выполняет действие без помощи других лиц.

- (17) *mo:ni-n hawali-l-da-n*
RFL-PS3SG работать-INCH-NFUT-3SG
 ‘Сам стал работать <а ранее его содержали родители>’. (АДЧ)

2. Дискурсивная функция: переключение фокуса на X.

- (18) *tadu: kušu-l-wə nə:-t-tə-n mə:ni-n*
 там труха-PL-ACC положить-DISTR-NFUT-3SG **RFL-PS3SG**
d'ikən-ə-n so:ŋal-du: hukə-wə
 спрятаться-NFUT-3SG место.хозяйки-DATLOC топор-ACC
hukə-wə ga-kanəm
 топор-ACC взять-CVNSIM
 ‘Там разложила труху. Сама спряталась в женской части чума, взяв топор’ (фокус переключается с объекта действия (труха) на субъекта). (ДАХ)

- (19) *Нунган га-һи-т-ча-раки-н, нунган-мā-н*
 3SG взять-INCEP-DUR-IPFV-CVCOND-3SG 3SG-ACC-PS3SG
она-ра-Ø того-лō. Нунган нурги-ра-н
 толкнуть-NFUT-3PL огонь-LOCALL 3SG сгореть-NFUT-3SG
того-ду и мЭ-р-вЭ-тын э-се дев-рЭ
 огонь-DATLOC и **RFL-PL-ACC-PS3PL** NEG-PANT съесть-PNEG

‘Когда она стала брать <ложку>, ее толкнули в огонь. Она сгорела на костре и **их** не съела’ (фокус переключается

на основных участников повествования — семью эвенков, спасшихся от чудовища Чулугды). (ТЯ [Лебедева 1952])

- (20) *usta-wa-tin* *mana-sa* *luki:-l-wa-tin*
 весь-ACC-PS3PL закончить-PANT стрела-PL-ACC-PS3PL
d'awa-na *garpa-wki:* *mo-r-tiki:-tin*
 схватить-CV SIM стрелять-PNAV RFL-PL-ALL-PS3PL

‘Всех прикончил, хватая их стрелы и стреляя в **них самих**’ (фокус переключается на противников главного героя повествования). (ВНУ)⁶

3. Контрастивная функция: именно X и только он является участником события Р.

- (21) *Ңинакин-ми* *элгэ-укй,* *хā-деңā-с,*
 собака-ACC.RFL.SG вести.на.поводу-PST.ITER знать-FUT-2SG
бкйпты-вэ *удя-ва* *пура-кта-дя-ра-н,*
 давнишний-ACC след-ACC бежать.по.следу-DSPRS-IPFV-NFUT-3SG
уōхакта-дя-ра-н «Или *мЭн-мЭ-н*
 нюхать-IPFV-NFUT-3SG или RFL-ACC-PS3SG
амта-ра-н-н», — *гүн-деңэ-с*
 почувствовать-NFUT-3SG сказать-FUT-2SG

‘Если на привязи собаку ведешь, узнаешь, по чьему давнишнему следу бежит, нюхает. «Или **самого** [зверя] учуяла», — скажешь’ (собака учуяла не просто давнишний след, а самого зверя). ([Согрога IEA], Г. Н. Хутокогир, 2012, Тура (Эконда⁷), «Ая җинакин», илимпийский диалект, северное наречие)

Для *тэ:n+RFL* можно также найти примеры подобных эмфатических употреблений: в «самостоятельной» (22) и контрастивной (23) функциях:

⁶ Рецензент указал, что этот пример является также примером контрастивной функции («стрелял их же стрелами в них же самих»).

⁷ Родной поселок Г. Н. Хутокогира.

- (22) *taduk oláñawot o:-da-m mǎ:-klo:-ji*
 потом оленевод статья-NFUT-1SG RFL-LOC DIR-RFL.SG
 ‘Потом я оленеводом стал сам по себе’ (а до этого учился у дру-
 гих). (ГНХ)
- (23) *ras huru-mi dak nadej-d’a-kəl*
 раз пойти-CVCOND так надеяться-IPFV-IMPER.2SG
mon-mi
 RFL-ACC.RFL.SG
 ‘Раз пошел, так надейся на себя’ (а не на других)’. (КСС) — ср. (17)

Форма LOC DIR, употребленная в (22), достаточно редка в боль-
 шинстве эвенкийских говоров [Константинова 1964: 46] и может
 быть интерпретирована как застывшее идиоматическое выражение,
 но в любом случае ее происхождение от *mǎ:n*+RFL несомненно.

2.3. *mǎ:n*+RFL и *mǎ:n*+POSS как анафорические

В предыдущем разделе рассматривалось употребление форм *mǎ:n*
 в эмфатических контекстах, в этом же будут рассмотрены чисто анафо-
 рические функции этих местоимений. В эвенкийском языке выделяют
 следующие анафорические местоимения [Nedjalkov 1997: 102–108]:

- рефлексивные: *mǎ:n*+RFL (24)
 - нерефлексивные:
 - личные (25)
 - указательные, используемые в функции анафориче-
 ских (26)
- (24) *kuŋakan mo:n-mi: d'onĩfa-rǎ-n*
 ребенок RFL-ACC.RFL.SG помнить-NFUT-3SG
 ‘Ребенок себя помнит’. (ВИА)
- (25) *d'onĩfa-d'a-Ø-m=wəhin nuŋan-ma-n*
 помнить-IPFV-NFUT-1SG=FOC 3SG-ACC-PS3SG
 ‘Помню я ее’. (ВХЁ)

- (26) *tari-ŋ-mi haraŋi-l-da-n*
TOT-AL-ACC.RFL.SG хоронить-INCH-NFUT-3SG
 ‘Ее стал хоронить’. (ПКП)

Областью связывания рефлексивного местоимения является минимальная клауза, как финитная (24), так и нефинитная (с вершиной — деепричастием) (27):

- (27) *hagdi atirkan gu-tʃo:-n kujaka-r-du*
 старый старуха сказать-PST-3SG ребенок-PL-DATLOC
mo:-r-wə-r hilki-da:-tin
RFL-PL-ACC.RFL.PL очистить-CVPURP-3PL
 ‘Старая бабушка велела детям, себя, помыть’. (элицитация, ербогаченский говор северного наречия)

Личное же местоимение не может быть связано внутри клаузы, ср (28) и (29): в (29) личное местоимение не может отсылать к субъекту.

- (28) *gofa itʃə-t-itʃə-rə-n mo:n-mi zerkalo-du:*
 Гоша видеть-DUR-IPFV-NFUT-3SG **RFL-ACC.RFL.SG** зеркало-DATLOC
 ‘Гоша видит себя в зеркале’. (элицитация, илимпийский диалект северного наречия)
- (29) *gofa itʃə-t-itʃə-rə-n nujan-ma-n zerkalo-du:*
 Гоша видеть-DUR-IPFV-NFUT-3SG **3SG-ACC-PS3SG** зеркало-DATLOC
 ‘Гоша видит его (*себя) в зеркале’. (элицитация, илимпийский диалект северного наречия)

Как указано в [Nedjalkov 1997: 109], рефлексивное местоимение может опускаться при некоторых глаголах груминга, например *igdi-* ‘причесаться’, что подтверждается и нашими данными (ср. (27) с (30), в котором объект действия очевиден из контекста и поэтому опускается):

- (30) *tamar-duk bəjətko:n hilki-d'a-pkə*
 утро-ABL мальчик очистить-IPFV-PIM.DEV
 ‘Утром мальчик обычно моется’. (элицитация, ербогаченский говор северного наречия)

2.3.1. Ограничения на антецедент

В [Nedjalkov 1997: 114] приведены примеры на употребление рефлексивного местоимения в неличных и эллиптических конструкциях. Подобный пример есть и в корпусе Siberian-Lang (31):

- (31) *kaŋki-t mo:n-mi d'awuča-d'a-mi*
 крепкий-ADVZ RFL-ACC.RFL.SG держать-IPFV-CVCOND
ə-to:-n əmugdə toro:-rə
 NEG-FUTCNT-3SG внутренность справиться-PNEG

‘Если крепко **себя** держать, нутро не справится’. (ВИА)

Рецензент предположил, что субъектом условно-временного деепричастия на *-mi* (CVCOND) в (31) является *əmugdə* (‘внутренность’), т. к. оно односубъектно [Константинова 1964: 210]. Однако я считаю интерпретацию с безличной конструкцией предпочтительной по двум причинам:

- 1) по смыслу этого текста, расслабиться должен человек, попавший в опасную ситуацию, а не его нутро;
- 2) корпус содержит примеры с этим деепричастием в неличных конструкциях, например, (32), где односубъектная интерпретация невозможна:

- (32) *gutko:-so:n-mə d'əw-mi hələ tawər⁸ hogdondo-n*
 щука-CHILD-ACC съест-CVCOND вот тот.самый спина-PS3SG
huwuli-n əpet giramda bi-fki:
 весь-PS3SG опять кость быть-PNAV

‘Когда ешь щучку, вот ее спина вся опять бывает обычно костью’. (ВХЁ)

Кроме того, у рефлексивного местоимения может быть «расширенное» толкование: антецедент выводится из контекста:

⁸ Этимологически усилительная частица *-wər* является возвратным притяжательным суффиксом ([Константинова 1964: 261, 262]).

- (33) *mə-r-du:-wər* *uldi:-kəl*
 RFL-PL-DATLOC-RFL.PL сшить-IMPER.2SG
 ‘Шей **нам!**’ (ВХЁ) (Антецедентом является не только субъект императивной словоформы (слушающий), но и говорящий — его жена — и их дети.)

Аналогичное явление представлено в эвенском языке [Бузанов, настоящий сборник]. Наблюдается оно и для притяжательных возвратных показателей как в эвенском языке [Matić 2008], так и в эвенкийском:

- (34) *ηənə-kəl* *d'u:-la:-wər* *karabin-mə əmə-w-kəl*
 ийти-IMPER2SG дом-LOCALL-RFL.PL карабин-ACC прийти-TR-IMPER2SG
 ‘Иди к **нам** домой, принеси карабин’ (имеется в виду дом говорящего и слушающего — отца и сына). (АВД)
- (35) *ətu-w-rə-n* *d'u-la-war*
 прийти-TR-NFUT-3SG дом.чум-LOCALL-RFL.PL
 ‘Принес нам домой’ (товарищ рассказчика по охоте, не состоящий с ним в родственной связи, принес добычу в дом, где они оба остановились). (АД [Архив Василевич]).

В [Бузанов, настоящий сборник] указывается, что в эвенском языке такие формы интерпретируются как относящиеся к упомянутому антецеденту и его семье, т. е. это случай ассоциативной множественности. Примеры (34)–(35) показывают, что в эвенкийском языке антецедентом форм с возвратно-притяжательным показателем может быть ранее упомянутое лицо и его семья либо иная группа.

2.3.2. Ограничения на анафорическое употребление

Из примеров (18)–(20) видно, что антецедент форм *mə:n*+POSS может быть выражен в предшествующих предложениях. Могут ли формы *mə:n*+POSS употребляться как анафорические в пределах одного предложения? В [Nedjalkov 1997: 111] указано, что, если антецедентом является субъект внешней клаузы, должно быть использовано личное местоимение. Однако наши данные показывают,

что $m\grave{a}:n$ +POSS может также быть употреблено в анафорических контекстах.

2.3.3. Трехместные предикаты

В контекстах типа (36) формы $m\grave{a}:n$ +POSS не допускаются:

- (36) **gofa* *itʃə-t-itʃə-rə-n* *mo:n-ma-n*
 Гоша видеть-DUR-IPFV-NFUT-3SG RFL-ACC-PS3SG

zerkalo-du:

зеркало-DATLOC

*‘Гоша видит себя в зеркале’ (элицитация, илимпийский диалект северного наречия).

В случае глагола с большим числом валентностей носители интерпретируют $m\grave{a}:n$ +POSS как относящийся к менее выделенному участнику ситуации (37). Для $m\grave{a}:n$ +RFL такую интерпретацию принимают некоторые информанты и отвергают другие (38). То же касается и личного местоимения *niŋan* (39):

- (37) *bi_j* *hanju:kta-∅-m* *kola-wa_i* *mo:n-ma-n_i*⁹
 1SG спросить-NFUT-1SG Коля-ACC RFL-ACC-PS3SG

‘Я_j спросил Колю_i про него самого_i’. (элицитация, илимпийский диалект северного наречия)

- (38) *bi_j* *hanju:kta-∅-m* *kola-wa_i* *mo:n-mi_{??j}/i*
 1SG спросить-NFUT-1SG Коля-ACC RFL-ACC-PS3SG

‘Я_j спросил Колю_i про себя_j’ / ‘Я_j спросил Колю_i про него самого_i’. (элицитация, илимпийский диалект северного наречия)

⁹ В этом примере ожидалось увидеть другое управление у глагола «спросить» (пролатив, а не аккузатив), но несколько информантов подтвердили именно такое управление.

- (39) *bi_j hanju:kta-Ø-m kola-wa_i nujan-ma-n^{??i/k}*
 1SG спросить-NFUT-1SG Коля-ACC 3SG-ACC-PS3SG
 ‘Я_j спросил Колю_i про него_k (иное лицо)’ / ‘Я спросил Колю_i про него самого’. (элицитация, илимпийский диалект северного наречия)

2.3.4. Подчиненная клауза

В случае подчиненной (деепричастной) клаузы с деепричастием цели допустимо и использование *mə:n*+POSS, и личного местоимения (ср. (40) и (41)). При этом *mə:n*+RFL недопустимо (42):

- (40) *ka'ta_i əjo:t-tə-n mo:n-ma-n_i doldi-da:-tin*
 Катя попросить-NFUT-3SG RFL-ACC-PS3SG слушать-CVPURP-3PL
 ‘Катя_i попросила, чтобы ее_i послушали’. (элицитация, ербогаченский диалект северного наречия)
- (41) *ka'ta_i əjo:t-tə-n nujan-ma-n_i doldi-da:-tin*
 Катя попросить-NFUT-3SG 3SG-ACC-PS3SG слушать-CVPURP-3PL
 ‘Катя_i попросила, чтобы ее_i послушали’. (элицитация, ербогаченский диалект северного наречия)
- (42) **ka'ta_i əjo:t-tə-n mo:n-mi_i doldi-da:-tin*
 Катя попросить-NFUT-3SG RFL-ACC.RFL.SG слушать-CVPURP-3PL
 Ожид.: ‘Катя_i попросила, чтобы ее_i послушали’. (элицитация, ербогаченский диалект северного наречия)

Кроме того, некоторые информанты порождали предложения, в которых форма с *mə:n*- употреблялась вместе с личным местоимением (43)–(44):

- (43) *bi_j hanju:kta-Ø-m kola-wai nujan-ma-n mo:n-ma-n_i*
 1SG спросить-NFUT-1SG Коля-ACC 3SG-ACC-PS3SG RFL-ACC-PS3SG
 ‘Я_j спросил Колю_i про него самого’. (элицитация, илимпийский диалект северного наречия)
- (44) *ka'ta_i əjo:t-tə-n nujan-ma-n_i*
 Катя попросить-NFUT-3SG 3SG-ACC-PS3SG

mo:n-ma-n_i *doldi-da:-tin*
 RFL-ACC-PS3SG слушать-CVPURP-3PL

‘Катя_i попросила, чтобы ее_i послушали’. (элицитация, илимпийский диалект северного наречия)

Возможно, это было сделано под влиянием русского стимула («ее саму»), поскольку в корпусе *mə:n* в целом редко встречается в атрибутивной позиции при личном местоимении.

Однако с другими деепричастиями картина иная, ср. (45) и (46): в клаузе с деепричастием условия (которое означает также одновременность) допустимо только личное местоимение.

(45) *koſta əmə-rə-n* *d'u-la:-ji* *əpini-n*
 Костя прийти-NFUT-3SG дом-LOCALL-RFL.SG мать-PS3SG
iri-d'ə-rəki-n ***nugan-du:-n*** *d'əb-da:-n*
 сварить-IPFV-CVCOND-3SG 3SG-DATLOC-PS3SG съесть-CVPURP-3SG

‘Костя_i пришел домой, когда мама готовила ему_i поесть’. (элицитация, ербогаченский диалект северного наречия)

(46) **koſta əmə-rə-n* *d'u-la:-ji* *əpini-n*
 Костя прийти-NFUT-3SG дом-LOCALL-RFL.SG мать-PS3SG
iri-d'ə-rəki-n ***mo:n-du:-n*** *d'əb-da:-n*
 сварить-IPFV-CVCOND-3SG RFL-DATLOC-PS3SG съесть-CVPURP-3SG

Ожид.: ‘Костя_i пришел домой, когда мама готовила ему_i поесть’. (элицитация, ербогаченский диалект северного наречия)

Вероятно, можно говорить о разной степени «подчиненности» одной клаузы другой и, как следствие, возможности переноса фокуса, однако для этого следует детальнее изучить многочисленные деепричастные формы эвенкийского языка.

3. Другие функции *mə:n*

Как указано в [Nedjalkov 1997: 109], форма множественного числа от *mə:n*+POSS — *mə:-r-wə-r* (RFL-PL-ACC.RFL.PL) — может иметь реципрокальную трактовку. Это подтверждается и нашими данными:

- (47) *ɲolo-t-ɪ̄ʁ-pki:-l* *wes* *bi-ɪ̄ʁo:-tin* *mə:r-wəɾ*
 бояться-DUR-IPFV-PHAB-PL весь быть-PST-3PL RFL-ACC.RFL.PL

‘Боялись все друг друга’. (ВИА)

При этом существует и особое реципрокальное местоимение *mə:mə:gi:lwəɾ*, производное от той же основы *mə:n-*:

- (48) *tarə* *niɲartɪn* *mə:mə:gi:l-wəɾ* *ə-fki:-l* *ajaw-rə*
 ГОС 3PL друг, друга-ACC.RFL.PL NEG-PHAB-PL любить-PNEG

‘Они друг друга не любили’. (ЕКЭ)

Варианты форм реципрокальных местоимений подробно рассмотрены в [Nedjalkov, Nedjalkov 2007], где выбор местоимения для выражения реципрокального значения обуславливается диалектными различиями.

Интересно, что в (49) употребляется именно «сдвоенное» местоимение *mə:ntə:n+RFL*, однако значение его по контексту не реципрокальное (по сюжету особо подчеркивается, что персонажи не взаимодействуют друг с другом):

- (49) *awɟu-wa-tyɪn* *umū-təl* *kala-čɪ̄-xal* *bi-čɛ-l*
 какой-ACC-PS3PL один-DISTR котел-ATR-PL быть-PANT-PL
mɛ-mɛ-dū-wɛɾ *asta-wki-l* *ulɛ-wki-l*
 RFL-RFL-DATLOC-RFL.PL готовить-PHAB-PL варить-PHAB-PL
bi-čɛ-l
 БЫТЬ-PANT-PL

‘У каждой из них по одному котлу было: [каждая] сама себе готовила, варила’. (ГЭ [Василевич 1966: 49; 207])

При этом в том же тексте в (50) в аналогичной роли используется *mə:n+RFL* во мн. ч.

- (50) *d'əbɟɛ-wɛɾ* *d'ən-tə-∅*,
 еда-ACC.RFL.PL съесть-NFUT-3PL
n'an *mɛ-p-dū-wɛɾ* *ulɛ-t-tə-∅*
 опять RFL-PL-DATLOC-RFL.PL сварить-DISTR-NFUT-3PL

‘Позавтракали, опять сами себе порознь сварили’. (ГЭ [Василевич 1966: 51; 208])

Как и в случае «расширенного» антецедента, параллельные примеры есть и для притяжательных возвратных аффиксов:

- (51) *Tāduk tar dolbonj-dū Ėginkĕgir-il bĕje-tykĭn*
 потом тот ночь-DATLOC Огинкогир-PL мужчина-EVERY
alĭjĭ-l-bar ō-čĭ-l bi-čĕ-l
 лук-PL-ACC.RFL.PL сделать-PANT-PL быть-PANT-PL

‘Тогда в эту ночь каждый мужчина из Огинкогиров <название рода> сделал себе лук’. (АА [Василевич 1966: 159; 317])

Эти примеры, как и приведенные выше случаи «расширенного» антецедента, показывают, насколько сильно интерпретация рефлексивного местоимения зависит от прагматических условий.

4. Выводы

Традиционно эвенкийское местоимение *mə:n*+RFL рассматривается как рефлексивное, в то время как *mə:n*+POSS — только как «эмфатическое». Однако анализ контекстов, в которых употребляются местоимения, а также существование у них нестандартных интерпретаций (реципрокальной; «расширенного» антецедента) показывают, что в их отношении скорее применима концепция из [Лютикова 1997]. В эвенкийском языке эмфатическое *mə:n*- служит для переключения фокуса и, таким образом, может в зависимости от типа притяжательного показателя относиться к более (в случае RFL) и менее (в случае POSS) выделенному участнику ситуации. В дальнейшем имело бы смысл изучить употребление самостоятельного *mə:n* в конкретных восточных говорах, чтобы установить, чем определен выбор этой формы или форм с притяжательными показателями. Кроме того, требуется детальнее изучить функционирование *mə:n* в конструкциях с различными деепричастиями. Наконец, в данную статью не вошел обзор функций притяжательных показателей и происходящих от них лично-числовых показателей деепричастий, кореферентность которых также заслуживает отдельного исследования.

Информация о рассказчиках

- АА — р. Буря (восточное наречие), 1936 г. (записи Г. М. Василевич¹⁰)
- АВД — Муторай (подкаменнотунгусский диалект, южное наречие), 2007 г.
- АД — Непа (непский диалект, южное наречие), 1930-е гг. (записи Г. М. Василевич)
- АДЧ — Хантайское Озеро (илимпийский диалект, северное наречие), 2011 г.
- ВИА — Стрелка-Чуня (подкаменнотунгусский диалект, южное наречие), 2007 г.
- ВНУ — Эконда (илимпийский диалект, северное наречие), 2007 г.
- ВХЁ — Чиринда (илимпийский диалект, северное наречие), 2007 г.
- ГНХ — Эконда (илимпийский диалект, северное наречие), 2007 г.)
- ГЭ — р. Урми (восточное наречие), 1948 г. (записи Г. М. Василевич)
- ДАХ — Тутончаны (илимпийский диалект, северное наречие), 2008 г.
- ЕКЭ — Тура (род. в Учами¹¹), (илимпийский диалект, северное наречие), 2014 г.
- ИКУ — Тутончаны (илимпийский диалект, северное наречие), 2008 г.
- КСС — Кислокан (род. в Наканно) (ербогаченский диалект, северное наречие), 2008 г.
- НА — р. Амгунь (восточное наречие), 1948 г. (записи Г. М. Василевич)
- ПКП — Тутончаны (илимпийский диалект, северное наречие), 2008 г.
- СПМ — Учами (илимпийский диалект, северное наречие — см. примечание выше), 2014 г.
- СС — р. Урми (восточное наречие), 1960 г. (записи Г. М. Василевич)
- ТЯ — Тутончаны (илимпийский диалект, северное наречие), 1952 г. (записи Е. П. Лебедевой)

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; АВЛ — аблатив; АСС — аккумулятив; АЛ — отчуждаемая принадлежность; АЛЛ — аллатив; СНІLD — детеныш; СОМІТ — комитатив; СВCOND — деепричастие условно-временное; СВNSIM — деепричастие разновременное; СВPURP — деепричастие цели; СВSIM — деепричастие одновременное; DATLOC — датив-локатив; DES — дезидератив; DISTR — дистрибутив; DSPRS — дисперсив;

¹⁰ В списке указаны инициалы рассказчика, диалектная принадлежность, год записи текста.

¹¹ Учами — населенный пункт, пограничный между зонами распространения северного и южного наречий. После объединения нескольких поселков в нем стал преобладать говор северного наречия.

DUR — дуратив; EVERY — каждый; FOC — фокусная частица; FUT — будущее время; FUTCNT — ближайшее будущее время; INCEP — инцептив; INCH — инхоатив; INTERROG — вопросительная частица; INTS — интенсификатор; IPFV — имперфектив; LOCALL — локатив-аллатив; LOCDir — локатив-директив; NEG — отрицание; NFUT — небудущее время; PANT — причастие предшествования; PNAV — причастие обычного действия; PIM.DEV — причастие долженствования; PL — множественное число; PNEG — отрицательное причастие; PROPR — показатель притяжательного местоимения; PS — посессив; PSIM — причастие одновременное; PST — прошедшее время; PST.ITER — прошедшее повторяющееся время; RFL — рефлексив; SG — единственное число; SLIP — оговорка; TR — транзитив.

Литература

- Бузанов, настоящий сборник — А. О. Бузанов. Рефлексивные местоимения и рефлексивные посессивные аффиксы в быстринском диалекте эвенского языка // Настоящий сборник. DOI: 10.30842/alp230657371711335.
- Василевич 1948 — Г. М. Василевич. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Ленинградское отделение Учпедгиза, 1948.
- Василевич 1966 — Г. М. Василевич. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. М.; Л.: Наука, 1966.
- Кибрик, Богданова 1995 — А. Е. Кибрик, Е. А. Богданова. *СAM* как оператор коррекции ожиданий адресата // Вопросы языкознания. 1995. № 3. С. 28–47.
- Константинова 1964 — О. А. Константинова. Эвенкийский язык: фонетика и морфология. М.; Л.: Наука. 1964.
- Лютикова 1997 — Е. А. Лютикова. Рефлексивы и эмпфаза // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 49–74.
- Стойнова 2018 — Н. М. Стойнова. Контактно-обусловленная реорганизация грамматической системы в ситуации утраты языка: контроль рефлексивов в полипредикации в нанайском языке // Вопросы языкознания. 2018. № 2. С. 71–98.
- ТМС 1975 — В. И. Цинциус (отв. ред.). Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю. В 2-х т. Т. 1. Л.: Наука, 1975.
- Цендина и др. 2021 — А. Д. Цендина, И. А. Грунтов, О. М. Мазо. Экспедиция к хамниганам Монголии. Доклад, прочитанный на семинаре ЦТСФ РГГУ 8 февраля 2021 г. URL: <https://cloud.mail.ru/public/TCwm/uLdDnZe3P/> (дата обращения 01.04.2021).

- Benzing 1956 — J. Benzing. Die tungusischen Sprachen: Versuch einer vergleichenden Grammatik (Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse, Jahrgang 1955 11). Mainz: Verlag der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Kommission bei F. Steiner, Wiesbaden, 1956.
- Bulatova, Grenoble 1999 — N. Bulatova, L. Grenoble. Evenki. (Languages of the World. Materials 141). München; Newcastle: Lincom Europa, 1999.
- EDAL 2003 — S. Starostin, A. Dybo, O. Mudrak, I. Gruntov. Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden: Brill, 2003.
- Ethnologue 2020 — D. M. Eberhard, G. F. Simons, Ch. D. Fennig (eds.). Ethnologue: Languages of the World. 23rd ed. Dallas, TX: SIL International. URL: <http://www.ethnologue.com> (дата обращения 01.04.2021).
- Matić 2008 — D. Matić. On antecedent-reflexive agreement in Even (North Tungusic). Paper presented at the conference “Syntax of the World’s Languages III”, Freie Universität Berlin, Berlin, September 25–28, 2008.
- Matić 2020 — D. Matić. Reflexives, reciprocals, and intensifiers in Ewen: An exercise in Tungusic dialectology // *International Journal of Eurasian Linguistics*. 2020. Vol. 2. Iss. 2. P. 244–285. DOI: 10.1163/25898833-12340034.
- Nedjalkov 1997 — I. Nedjalkov. Evenki. (Descriptive Grammars). London; New York: Routledge, 1997.
- Nedjalkov, Nedjalkov 2007 — I. Nedjalkov, V. Nedjalkov. Reciprocal and sociative constructions in Evenki (with an appendix on Manchu) // V. P. Nedjalkov, E. Š. Geniušienė, Z. Guentchéva (eds.). *Reciprocal Constructions*. (Typological Studies in Language 71). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. P. 1593–1642. DOI: 10.1075/tsl.71.
- Tsumagari 1992 — T. Tsumagari. A basic vocabulary of Khamnigan and Oluguya Ewenki in northern Inner Mongolia // *Bulletin of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures*. 1992. № 21. P. 83–103.
- Whaley 1998 — L. J. Whaley. Endangered Languages. 1998. Available at: <http://www.dartmouth.edu/~trg/endangered.html> (accessed on 18.07.2020), currently available via wayback machine: <https://web.archive.org/web/20200220204323/http://www.dartmouth.edu/~trg/endangered.html>.
- Whaley, Li 2000 — L. J. Whaley, F. Li. Oroqen dialects // *Central Asiatic Journal*. 2000. Vol. 44. № 1. P. 105–130.

Источники

Архив Василевич — Архив Г. М. Василевич. Архив МАЭ РАН им. Петра Великого (Кунсткамера), ф. 22, оп. 1, № 14, листы 11–13.

- ВПН 2010 — Всероссийская перепись населения 2010. Т. 1. Численность и размещение населения. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 18.07.2020).
- Лебедева 1952 — Рабочие материалы Е. П. Лебедевой. Архив ИЛИ РАН. Тетрадь 102. 1952.
- Corpora IEA — Корпусы ИЭА РАН. URL: <http://corpora.ica.ras.ru/corpora/> (дата обращения 18.07.2020).
- Siberian-Lang — Мультимедийный корпус текстов на эвенкийском языке. URL: <http://gisly.net/corpus> (дата обращения 18.07.2020).

References

- Benzing 1956 — J. Benzing. *Die tungusischen Sprachen: Versuch einer vergleichenden Grammatik*. (Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse, Jahrgang 1955 11). Mainz: Verlag der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Kommission bei F. Steiner, Wiesbaden, 1955.
- Bulatova, Grenoble 1999 — N. Bulatova, L. Grenoble. *Evenki*. (Languages of the World. Materials 141). München; Newcastle: Lincom Europa, 1999.
- Buzanov, this volume — A. O. Buzanov. Refleksivnyye mestoimeniya i refleksivnyye possessivnyye affixy v bystrinskom dialekte evenskogo yazyka [Reflexive pronouns and reflexive possessive affixes in the Bystraya dialect of Even] // This volume. DOI: 10.30842/alp230657371711335.
- EDAL 2003 — S. Starostin, A. Dybo, O. Mudrak, I. Gruntov. *Etymological Dictionary of the Altaic Languages*. Leiden: Brill, 2003.
- Ethnologue 2020 — D. M. Eberhard, G. F. Simons, Ch. D. Fennig (eds.). *Ethnologue: Languages of the World*. 23rd ed. Dallas, TX: SIL International. Available at: <http://www.ethnologue.com> (accessed on 01.04.2021).
- Kibrik, Bogdanova 1995 — A. Ye. Kibrik, E. A. Bogdanova. *SAM* kak operator korektsii ozhidaniy adresata [Russian *SAM* ‘oneself’ as an operator of correction of the hearer’s expectations]. *Voprosy yazykoznaviya*. 1995. No. 3. P. 28–47.
- Konstantinova 1964 — O. A. Konstantinova. *Evenkiyskiy yazyk: fonetika i morfologiya* [The Evenki Language: Phonetics and Morphology]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1964.
- Lyutikova 1997 — E. A. Lyutikova. Refleksivy i emfaza [Reflexives and emphasis]. *Voprosy yazykoznaviya*. 1997. No. 6. P. 49–74.
- Matić 2008 — D. Matić. On antecedent-reflexive agreement in Even (North Tungusic). Paper presented at the conference “Syntax of the World’s Languages III”, Freie Universität Berlin, Berlin, September 25–28, 2008.

- Matić 2020 — D. Matić. Reflexives, reciprocals, and intensifiers in Ewen: An exercise in Tungusic dialectology. *International Journal of Eurasian Linguistics*. 2020. Vol. 2. Iss. 2. P. 244–285. DOI: 10.1163/25898833-12340034.
- Nedjalkov 1997 — I. Nedjalkov. *Evenki*. (Descriptive Grammars). London; New York: Routledge, 1997.
- Nedjalkov, Nedjalkov 2007 — I. Nedjalkov, V. Nedjalkov. Reciprocal and sociative constructions in Evenki (with an appendix on Manchu). V. P. Nedjalkov, E. Š. Geniušienė, Z. Guentchéva (eds.). *Reciprocal Constructions*. (Typological Studies in Language 71). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. P. 1593–1642. DOI: 10.1075/tsl.71.
- Stoynova 2018 — N. M. Stoynova. Kontaktno-obuslovlennaya reorganizatsiya grammaticheskoy sistemy v situatsii utraty yazyka: kontrol refleksivov v polipredikat-sii v nanayskom yazyke [Reflexives in dependent clauses in modern Nanai: Contact-induced structural change and language attrition]. *Voprosy yazykoznanija*. 2018. No. 2. P. 71–98.
- TMS 1975 — V. I. Tsintsius (ed.). *Sravnitelnyy slovar tunguso-manchzhurskikh yazykov: materialy k etimologicheskomu slovaryu* [Comparative Dictionary of Manchu-Tungus Languages: Materials for the Etymological Dictionary]. In 2 vols. Vol. 1. Leningrad: Nauka, Leningrad branch, 1975.
- Tsendina et al. 2021 — A. D. Tsendina, I. A. Gruntov, O. M. Mazo. Ekspeditsiya k khamniganam Mongolii [Field trip to the Khamnigans of Mongolia]. Report at the Russian State University for the Humanities, Centre for Typological and Semiotic Folklore Studies, February 8, 2021. Available at: <https://cloud.mail.ru/public/TCwm/uLdDnZe3P/> (accessed on 01.04.2021).
- Tsumagari 1992 — T. Tsumagari. A basic vocabulary of Khamnigan and Oluguya Ewenki in northern Inner Mongolia. *Bulletin of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures*. 1992. No. 21. P. 83–103.
- Vasilevich 1948 — G. M. Vasilevich. *Oчерки диалектов evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka* [Sketches of Evenki (Tungus) Dialects]. Leningrad: Leningrad branch of Uchpedgiz, 1948.
- Vasilevich 1966 — G. M. Vasilevich. *Istoricheskiy folklor evenkov. Skazaniya i predaniya* [Evenki Historical Folklore. Sagas and Legends]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966.
- Whaley 1998 — L. J. Whaley. *Endangered Languages*. 1998. Available at: <http://www.dartmouth.edu/~trg/endangered.html> (accessed on 18.07.2020), currently available via wayback machine: <https://web.archive.org/web/2020022020204323/http://www.dartmouth.edu/~trg/endangered.html>.
- Whaley, Li 2000 — L. J. Whaley, F. Li. Oroqen dialects. *Central Asiatic Journal*. 2000. Vol. 44. No. 1. P. 105–130.